

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

Льготы переселенцам в западные области Польши

Варшава, 4 марта. — Польское правительство объявило о ряде льгот, которые будут предоставлены землевладельцам, переселяющимся в отошедшие к Польше от Германии западные области. (Потсдамская конференция 1945 года отдала «под контроль Польши территории к востоку от Одера).

Польское правительство заявляет, что западные территории никогда Германии возвращены не будут. Большие земельные пространства за Одером являются государственной собственностью и будут проданы пострадавшим от немецкой оккупации польским гражданам за полцены. Так как гонениям со стороны захвативших страну во время Второй мировой войны наци подвергались все поляки, то льгота эта очевидно распространяется на всех польских граждан. Переселенцам правительство обещает, кроме льготной продажи земли, освобождение от налогов, материальную помощь, а также гнабжение сельско-хозяйственным инвентарем.

«ЖЕНИТЬБА» ГОГОЛЯ В «НОВОМ ТЕАТРЕ»

ко с маленьким палетом гротескности, неизбежным в таком "совершенно невероятном событии". Картинную фигуру Яичница, которого от других женихов отличает не только тунная расчетливость, но и почти полное отсутствие человеческих черт, представил г. Фокин с чувством не только юмора, но и сценического такта, свободного от водевильного трафарета. Своеобразно задумал г. Стороженко тип Анучкина, но несколько отвлекло.

В чудесном бытовом тоне и без переигрывания, без нажимов, просто и уморительно - жизненно сыграла г-жа Алчичникова сваху Феклу Ивановну. Это было не только живое исполнение, но и убедительное толкование гоголевского образа.

Если бы не "съеденная" в финале фраза, не дошедшая до публики, роль девочки Дуяши г-жи Ярепкой можно было бы считать превосходно выдержанной в духе бытового гротеска. Без всякой бытовой типичности просто и немного напряженно, играла тетку г-жа Лесневская. Хорош Степан — Воронцов. Остается упомянуть еще г. Апошанского, игравшего ответственную роль Подколесина. Это было "честное" реальное переживание человека, отмеченного от природы тем, что называется комплексом приниженности.

Люди эти страдают, и за это их становится жалко. Такую жалость и вызывали мучения Подколесина. Но ведь это же совсем не то, что изображено в "Женитьбе". Подколесин, может быть, боится женитьбы потому, что он либо увалень, либо ленив до предельного, либо отяжелел от безделья, либо не верит в себя, ни как в мужа, ни как в производителя... Все это черты столь же трагические, сколь и смешные, а вот смешного в приятной и аккуратной игре г. Апошанского-то и не было.

Принято думать, что всякое театральное начинание в условиях колониальных нуждается в общественной поддержке. Для этого организовываются общества, собираются пожертвования, создаются фонды. Разрешите в этот способ поддержки таких культурных начинаний, как театр, не поверить. Никакие пожертвования не помогут начинанию, в основе которого нет творческой инициативы и любви к своему делу. А любовь и творчество никогда не остаются вознагражденными. При наличии самостоятельности, благотворительность не нужна. Хороший спектакль, живая душа, выглянувшая со сцены — вот сила, которая создает успех и материальный и моральный. И это показал спектакль "Женитьба".

Л. Намышников

"Женитьба" прошла в пятницу, субботу и воскресенье днем, при переполненном театре. Особенно приятно было видеть набитый до отказа зал в воскресенье, когда бывшая в театре детвора оглашала зал громким смехом, сопровождавшим каждую реплику со сцены.

Уж на что пессимисты предсказывали провал "Женитьбы". "Помилуйте, говорили они, — заграничная пьеса, давно умерший быт, наивная ситуация, условные типы, ну, кому это нужно?" Оказалось нужно, и даже очень нужно. В Нью Йорке с восторгом слушают "Женитьбу", она собирает полные сборы. В Париже деятельно готовят постановку "Бедность не Порок". — Оказывается, и Гоголь, и Островский, и, надо полагать, и другие классики, нужны, живут в сердцах русского зрителя, вернее оживают после некоего пребывания если не в спячке, то в каком то неуважительном замалчивании.

Они нужны, русские классики, не только потому, что восстанавливают в памяти "великий русский язык", и не только потому, что не утратили своей художественной убедительности и исторической правдоподобности, несмотря на непостижимую перемену в быте, нравах и географии. Они нужны по тому главному признаку, который отличает нас от всех прочих, живущих по эту или по ту сторону так называемого занавеса.

В нашем распоряжении роскошь европейской и американской культуры. Ежедневно перед нашими глазами проходят картины, одна другой занимательнее. Беру для примера первую попавшуюся. Она была показана в телевизионном аппарате в среду, кажется, в "канале" пятом. У молодого человека умирает в больнице жена. Ее может спасти только операция. Но операция стоит тысячу долларов, а денег нет. Впрочем, они есть у отца молодого человека, — богатого дельца. И сын приходит к отцу требовать деньги на операцию. Отец отказывает, так как не сочувствует браку сына. Сын в отчаянии заявляет, что если жена умрет, то он застрелит отца. Жена умирает, и сын, подкрадываясь ночью к постели отца, всаживает в постель две пули. Но к счастью, отца в постели не оказалось. Он спасен от гнева мстительного сына.

И сидя на спектакле "Женитьбы", я думал, что те самые дети, которые простодушно, и от всего сердца, хохочут над приключениями Подколесина, смотрят и ту моральную нязость, которую я только что выше описал. После этого разговоры, будто классики устарели, а русский театр не нужен — преступление перед всеми этими юными сердцами, которые так радостно приняли и возлюбили — "устарелую" Женитьбу.

Уже с первого взгляда на сцену становится ясно, что "творимая легенда", которая называется театральным действием, поставлена с любовью, вниманием и уважением к сцене. Декорация Евгения Дункеля просто очаровательна. Это не только купеческая обстановка гоголевской эпохи, это романтическая легенда о прошедшем быте, сладкое о нем воспоминание. Аккуратно и любовно подобранные костюмы и парики дополняют впечатление добросовестной работы коллектива над реквизитом, а почти поголовное знание ролей является редким качеством русского спектакля. Но важнее всего режиссерская выдумка, находчивость в изыскании миз-ан-сцен, и та творческая фантазия, какую обнаружил режиссер Ю. Козловский в этом его, кажется, первом опыте. Ведь можно уже забыть, а другим и не знать совсем, традиционной школы постановки классического спектакля, имеющего свою театральную

рутиную, свои трюки и приемы, почти обязательные для режиссера. Этой традиции г. Козловский знать не может, и надо приписать его собственному чутью и воображению ту картину "гоголевщины", которую он изобразил в обычной, и в прошлом хорошо известной, постановке пьесы.

Г-н Козловский точно и ясно уловил то, что Гоголь поставил как основу и руководство в подзаголовке "Женитьбы". Пьесе Гоголь назвал "совершенно невероятное событие". Это не только фраза, это основа комедии, ее главная исчерпывающая форма.

Неважно, что и Подколесин (Г. Апошанский) и Кочкарев (Козловский) и все эти женихи: Яичница, Жевакин, Анучкин — описаны с натуры. Такими они, вероятно, и были. Но положения в которые ставит их автор, взаимоотношения действующих лиц, стремительность происходящего на протяжении двух часов, исчерпывают всю сложную психологическую ситуацию, все это и на самом деле "совершенно невероятно", и такими же невероятными, и как будто даже отвлеченными должны предстать пред зрителями все женихи и, больше всех, организатор драмы в доме Агафьи Тихоновны, Кочкарев. Есть в этой фигуре Гоголя некое касание не только с Чичиковым, но и с Хлестаковым. Та же быстрота мыслей необыкновенная, тот же вдохновенный талант вранья. Нетаром Мережковский усмотрел в Чичикове черты сатанинства, нечто от самого черта, вертящегося среди людей и причиняющего им много беспокойства. Такую же фигуру с "чертовщиной" представляет собой и гоголевский Кочкарев и, в направлении этой авторской линии, было задумано старание г. Козловского.

Трудно придумать фигуру, более соответствующую замыслу Гоголя, чем внешний образ Агафьи Тихоновны, созданный И. Гавриловой. Конечно, это не завершение типа. В нем разбросаны черты бытовой реальной яркости и комедийных красок, которых не ослепит молодой, и еще не вполне опытной актрисе, но она сумела при превосходной внешности воплотить в роль наивную непосредственность и сентиментальность, присущие образу Агафьи Тихоновны.

Ярко гротескную фигуру Жевакина изобразил П. Горин. Основная черта Жевакина — его почти феерическая глупость. Даже Яичница кажется рядом с ним умным и рассудительным. И этого большого и самодовольного дурака Горин изобразил толь-